

кажется, готовы были расхохотаться, да только неловко было при учителѣ.

Но каково же было ихъ удивленіе, когда учитель, нахохотавшись вволю, вдругъ обратился къ этимъ самымъ насмѣшникамъ и сказалъ имъ:— „Глупые вы, глупые! какъ же вы спорите о томъ, чего не знаете? Щепкинъ правъ: это, точно, комедія, и ее можно сыграть такъ, что другіе примутъ ее за дѣйствительность“.— Тутъ онъ прибавилъ, что есть еще драмы, трагедіи, оперы, которыя тоже можно играть, и началъ рассказывать о московскихъ актерахъ, которые все это очень хорошо представляютъ.

Послѣ такого неожиданнаго оборота вещей мальчишки, названные „глупыми“, перестали улыбаться, утихли и сконфузились. А Миша не только успокоился, но даже гордо поднялъ голову и побѣдоносно поглядывалъ на своихъ противниковъ.

Затѣмъ начался урокъ, и въ первый разъ за класомъ дѣти чувствовали себя такъ хорошо. Это потому, что разговоръ о театрѣ увлекъ самого учителя, и онъ въ продолженіе всего урока безпрестанно возвращался къ одному и тому же: ему хотѣлось говорить о комедіяхъ да о трагедіяхъ. И онъ такъ интересно рассказывалъ, что ребятамъ даже стало досадно, когда прозвонилъ звонокъ. Въ первый разъ мальчуганы съ удовольствіемъ слушали своего учителя. А то прежде уроки его всегда бывали такъ скучны, что всякій ждетъ не дождется, скоро ли прозвонитъ звонокъ.

Сходя съ каѳедры, учитель обратился къ дѣтямъ:
— Вотъ, глупые! Въмѣсто того, чтобы бѣгать по